Трофеями победителей был почти весь французский обоз (включая генеральские экипажи), зарядные ящики, запасы пороха. Точные потери сторон за 18–19 июля неизвестны, т.к. донесения военачальников и военные историки обычно объединяли их с потерями последовавших 20 июля боев у Боярщины и Головщины. За все три дня боев потери русской стороны составили около 4 тысяч бойцов, французы лишились примерно 5,5 тысяч. Непосредственно же у Якубова и Клястиц противники могли лишиться, по приблизительным подсчетам, до 2-х и 3-х тысяч солдат соответственно. Это сражение было первой и единственной в этой кампании победой русских войск над численно превосходящими силами противника.

25 июля столица российской империи орудийными залпами салютовала Клястицкой победе. Александр I пожаловал П.Х Витгенштейна орденом Св. Георгия 2-й степени и пенсионом в 12 тысяч рублей, а купечество губернии одарило 150 тысячами рублей. «Спаситель Петрова града» обрел такую всенародную популярность, что даже его жене пожаловали орден Св. Екатерины. Более того, дворянство Псковской губернии решило установить на главной площади своего города конную статую героя, но генерал, в общем-то, не тщеславный человек, уговорил энтузиастов отказаться от этой затеи.

Орденом Св. Георгия 3-й степени был награжден отличившийся генерал-майор К.Ф. Казхачковский, орденами Св. Георгия 4-й степени – артиллерист полковник Е.Е. Штаден и командир роты Павловских гренадер капитан Крылов. Шесть офицеров Гродненского гусарского полка получили золотые сабли «За храбрость», 33 рядовых и унтер-офицеров – знаки отличия Военного ордена. Клястицкая победа была запечатлена на 5-й стене мемориала храма Христа Спасителя в Москве.

Боярщина, 20 июля. Бой у д. Боярщина Полоцкого повета Витебской губернии (ныне не существует) произошел 20 июля (1 августа) 1812 года. Занявшие здесь сильную позицию главные силы (48 батальонов, 11 эскадронов, 92 орудия, ок. 31 000 чел.) 2-го пехотного корпуса «Великой армии» под командованием маршала Н. Удино разбили и отбросили за р. Дрисса авангард (9 батальонов, 16 эскадронов, 5 сотен иррегулярной кавалерии,

24 орудия, ок. 7 500 человек) 1-го отдельного пехотного корпуса русской армии под командованием генерал-майора Я. П. Кульнева.

К вечеру 19 июля, после неудачи под Клястицами, маршал Н. Удино отвел свой корпус за р. Дриссу, где к нему присоединилась находившаяся у переправы 9-я пехотная дивизия генерала П. Мерля. Преследовавший французов русский авангард с наступлением темноты остановился у д. Сивошино, на северном берегу Дриссы. Поздним вечером сюда подошли еще две бригады 14-й пехотной дивизии. Генерал-майор Я. П. Кульнев имел предписание командующего преследовать противника, пока он не остановится, но не вступать с ним в серьезные столкновения до подхода главных сил корпуса.

«Мост в этом месте не существовал, – пишет в своих мемуарах Ж. Марбо, – поэтому русское командование заменило его бродом, приказав срыть с двух сторон высокие берега, окружавшие Дриссу, и превратить их в пологие склоны. Дно речки замостили на ширину, равную ширине дороги, и получился очень удобный брод».

Обстановка была неясна, однако командир русского авангарда решил идти вперед. В 3 часа утра 20 июля, едва забрезжил рассвет, русская кавалерия с батальоном гренадер и четырьмя конными орудиями перешла Дриссу, отбросила пикеты противника и двинулась на юг по узкой лесной дороге.

Поле предстоящего боя являлось, собственно, довольно узкой четырехверстной полосой по обе стороны тракта между деревнями Сивошино и Боярщина. Почти на всем этом расстоянии дорога была зажата густым, местами заболоченным, лесом. У д. Боярщина заросли сменялись широким лугом с лежавшими по его краям двумя продолговатыми, шириной более полукилометра, озерами Клешно и Лонне.

Позиция, на которой расположил свой корпус маршал Н. Удино, была неприступной. Фланги французов опирались на озера. На луговой возвышенности были устроены сильные артиллерийские батареи, державшие под перекрестным огнем выходящую из леса длинную гать, по которой пролегала дорога.

Готовя засаду оторвавшемуся от главных сил русскому авангарду, маршал также скрытно расположил значительные силы

пехоты в кустарнике и лесу по обе стороны дороги у выхода на луг. Замыкавшая с севера этот отрезок пути река Дрисса, довольно глубокая, шириной до 40 метров, протекала в крутых, местами обрывистых берегах и не имела здесь бродов. Участник боя, лейтенант 1-го швейцарского полка Т. Леглер вспоминал, что его «...полк стоял вплотную около одного из этих холмов. После того, как мы стали в оборонительную линию, многие офицеры в обществе почтенного полковника Рагеттли... взошли на ближайший холм. Отсюда мы увидели обе дивизии нашего армейского корпуса, приблизившиеся к нам и построившиеся в боевую линию на расстоянии 500 шагов от нас. Первая образовала правое, вторая левое крыло; наша третья дивизия стояла позади в центре, как резерв. ...Наша позиция была удобнее, чем неприятельская».

Я.П. Кульнев, боец редких достоинств, случалось, шел на неоправданный риск, что его и сгубило. «20 июля, – свидетельствует история Клястицкого полка, – недожидая главных сил, ...наш полк вытянулся по 3 на узкой и длинной плотине на непроходимом болоте; заканчивалась плотина высотами, за которыми скрытно расположились французы». Русские двигались довольно медленно, ведя перестрелку с отходившими французскими пикетами, и около 9 часов утра подошли к поляне у Боярщины. Как только на открытое пространство вышли казаки, Ямбургские драгуны и русская артиллерия, французы открыли по противнику перекрестный артиллерийский огонь и атаковали густыми массами пехоты. Шедшие впереди русской колонны казаки отхлынули назад.

Я.П. Кульнев предположил, что французы этой контратакой лишь пытаются выиграть время, чтобы увезти свою артиллерию и совершил роковую ошибку, приняв бой. «Гродненский полк, – читаем в полковой истории, – бросился вперед; но встреченный артиллерийским огнем и расстреливаемый в упор пехотою, он не мог ничего поделать. Плотина была уже завалена убитыми и ранеными, обойти эти места было невозможно. Отряд поневоле должен был отступить. Тогда французы всеми силами обрушились на нас, и часть их даже показалась с фланга. Видя все это, генерал-майор Кульнев подскакал к нашему полку, надорванным, охрипшим голосом крикнул: «Победить или умереть! За царя и Отечество! Друзья, вперед за мной!»

Ведомый шефом своим Гродненский полк врезался в обходной неприятельский отряд. В этой атаке штандарт наш два раза падал с убитыми под ним унтер-офицерами. Израненный штабс-ротмистр Ильинский был сшиблен с лошади и захвачен неприятелем и захвачен неприятелем, но спасен, благодаря мужеству унтер-офицера Жалилы, награжденного за это знаком отличия военного ордена. Гусары врубились в самую середину неприятельской пехоты и двигались все дальше и дальше. Пехота же наша за это время успела несколько отойти, почему и полку нашему пришлось возвращаться. Гродненцы с трудом прорубаются обратно, оставив неприятелю корнета Вадбольского. Однако необходимость спасти отряд, отходящий под натиском целого французского корпуса, заставляет Гродненцев вновь несколько раз атаковать неприятельскую пехоту».

Расчеты русских конных орудий, ведя беспрерывный огонь по наступающему противнику, вскоре были уничтожены. Ж. Марбо вспоминал, что в его полку русской картечью «...37 человек и между ними 19 из отборной роты были убиты наповал. Храбрый капитан Курто был в их числе! Лейтенант Лалуэт тоже. Русские артиллеристы хотели опять зарядить свои орудия, но на них бросились наши кавалеристы и изрубили их саблями». Три орудия, подбитые огнем тяжелой французской артиллерии, были захвачены противником, одно отходящие Ямбургские драгуны успели увезти. «Два пехотных полка генерала Альбера, – пишет Ж. Марбо, – выйдя из лесу, ...брали в штыки каждого, кто пытался защищаться. Под натиском этой тройной атаки русские пришли в полный беспорядок».

А вот наблюдения участника боя швейцарца Т. Леглера. «Русские войска пришли в движение, – пишет он, – и начали атаку при жесточайшем огне; однако наш маршал ответил в то же время кавалерийским натиском и отбросил первую еще неоформившуюся линию на вторую, а две батареи нашей конной артиллерии теснили оба неприятельские крыла. ...Два эскадрона кирасиров отняли у неприятеля после отчаянной схватки две батареи».

Осознавая очевидное неравенство сил, Я. П. Кульнев все же пытался удержать напор противника и послал за подкреплением. Генерал-майор И. Т. Сазонов выдвинул ему на помощь

6 батарейных орудий под прикрытием Тульского пехотного полка и стал переправлять на южный берег Дриссы другие свои подразделения. Но помощь запоздала, головная часть русского авангарда уже в беспорядке откатывалась назад. Ее безостановочно преследовала кавалерия бригадного генерала Б. Кастекса, 26-й легкий и 56-й линейный полки, за которыми двигались главные силы французов. Узкая дорога была буквально завалена телами убитых, а сойти в сторону мешало болото. Французы ввели в дефиле несколько батарейных и конных орудий, которые опустошали последние ряды отступавших.

На мосту и возле него колонны войск, двигавшиеся навстречу друг другу, смешались, часть отступавшей русской пехоты не успела к переправе, была настигнута французами и опрокинута в реку. «Многие из них, – читаем у Ж. Марбо, – ...пытались теперь спастись через реку и падали с высоты 15–20 футов на острые камни, о которые почти все и разбились насмерть: много их погибло!» Схожую картину рисует и Т. Леглер. «...Русские, ошеломленные натиском, не могли более держаться; на всех пунктах они пустились в бегство, в лес, особенно те, которые не могли пробиться на дорогу; их преследовали до ночи».

Я.П. Кульнев, хотя и был подавлен этой неудачей, вовсе не считал бой окончательно проигранным и деятельно приводил свои перешедшие реку подразделения в порядок. По его приказу 8 орудий конной роты №1 заняли позицию правее д. Сивошино для обстрела через реку дороги, по которой подходили колонны противника; батарейная рота №27 стала левее деревни, чтобы действовать во фланг наступающему противнику. Но время было упущено, воодушевленные своей победой французы буквально на плечах отступающих форсировали в нескольких местах Дриссу. Они начали обходить русскую артиллерию с флангов, вследствие чего она была вынуждена спешно сниматься с позиций и уходить вслед за отступающей пехотой. Французы все же успели захватить 6 русских батарейных орудий.

И в этот момент русская армия понесла невосполнимую утрату – был смертельно ранен генерал-майор Я.П. Кульнев. Описание последних минут жизни героя приводит история Клястицкого полка. «...Грустный и расстроенный, генерал-майор Кульнев слезает с лошади и идет с подполковником

Редигером за последними рядами полка. Остановившись для отдачи приказаний, Кульнев подходит к орудию, как вдруг шальное ядро отрывает ему обе ноги выше колен. Подполковник Редигер подхватил несчастного шефа, который умирающим голосом сказал бросившимся к нему гусарам: «Друзья – спасайте Отечество»! Потом, обратясь к старому боевому товарищу своему, подполковнику Редигеру, и указывая на свой Георгиевский крест, сказал: «Увезите его... Пусть неприятель не знает, что убил русского генерала». Это были последние слова Шефа. Труп храброго и честного страдальца взяли на руки гусары и отнесли к санитарным линейкам...»

Хорошо информированный военный историк А.И. Михайловский-Данилевский писал, что «...ядро оторвало ему обе ноги выше колена; он испустил дух, не произнеся ни слова». Наконец, участник боя, поручик Пермского пехотного полка А.И. Дружинин свидетельствует в своих воспоминаниях, что неприятельское ядро перебило генералу обе ноги: правую около туловища, левую – немного выше колена, и он быстро скончался от большой потери крови. Тело его увозили на орудийном лафете, но возле хутора Соколище, в хаосе лесного боя, оно упало на землю, и было на какое-то время потеряно. Уже на исходе дня, когда русские вновь теснили противника к реке, тело генерала, раздетое до нижнего белья, было опознано и подобрано на одной из лесных полян близ дороги.

Есть и еще одна версия этого события. «Генерал Кульнев, – повествует Ж. Марбо, – пьяный и раскачивавшийся в седле, был атакован вахмистром Лежандром, вонзившим ему в грудь саблю, затем он сбросил Кульнева к своим ногам. ...Я был в нескольких шагах от унтер-офицера Лежандра, когда он воткнул свою саблю в горло Кульнева, и я могу удостоверить, что русский генерал упал, не произнеся ни одного слова». При всем уважении к талантливому историографу наполеоновской эпопеи, нет сомнений, что этот эпизод является лишь плодом его богатого воображения, т.к. противоречит всем другим многочисленным свидетельствам.

Тело Я.П. Кульнева было предано земле рядом с местом его гибели 21 июля. По воспоминаниям современников, гибель героя тяжело переживалась в обществе. Когда это известие дошло до Москвы, известная актриса Елизавета Сандунова высту-

пала на сцене Большого театра. Неожиданно для публики она подошла к рампе и запела дрожащим голосом: «Слава, слава генералу Кульневу, положившему живот свой за Отечество». Она не смогла сдержать слез и многие в зале плакали вместе с ней...

Командование отрядом принял генерал-майор Б. Б. Гельфрейх, который сумел вскоре оторваться от наседавших французов и соединиться с главными силами корпуса, занимавшими уже боевые порядки у д. Головчицы. Бой прекратился ближе к вечеру и длился, таким образом, примерно 7–8 часов.

Общие потери русских под Боярщиной составили около 2 тысяч человек (из них 500 убитыми) и 9 орудий. Французские потери были намного меньшими (Т. Леглер исчислял их в 1000 убитыми и ранеными).

Головщина, 20 июля. Бой у д. Головщина (Головчица) Полоцкого повета Витебской губернии (ныне д. Головчицы Россонского района Витебской области) произошел 20 июля (1 августа) 1812 года. Преследуя русский авангард, 8-я пехотная дивизия (16 батальонов, 28 орудий, ок. 9 000 человек) 2-го пехотного корпуса «Великой армии» под командованием дивизионного генерала Ж. Вердье столкнулась тут с главными силами (29 батальонов, 16 эскадронов, 15 сотен иррегулярной кавалерии, 99 орудий, ок. 19 000 человек) 1-го отдельного пехотного корпуса русской армии под командованием генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна.

После поражения у Боярщины русский отряд поспешно двигался на соединение с главными силами корпуса. Сам же главнокомандующий выступил утром 20 июля из Клястиц вслед своему авангарду. Уже в пути граф получил известие о происшедшем. Верно оценив обстановку, он решил принять неизбежный новый бой не на марше, а на позициях у д. Головщина, прикрытых с одной стороны речкой Нища, с другой стороны – строениями селения и лесом.

1-ю боевую линию заняли 5-я пехотная дивизия генерал-майора Г. М. Берга, егерская бригада полковника С. В. Денисьева и 48 орудий. 2-ю линию составила резервная кавалерия генерал-майора Н. Г. Репнина (8 эскадронов), сюда же направлялись подходившие от р. Дриссы батальоны 14-й пехотной